

ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ.

Из каких начал образовалась греческая религия? Наименование Греции и Эллады. Арийское происхождение грековъ. Вопросъ о пелазгахъ. Вліяніе на грековъ со стороны хеттеевъ, филистимлянъ, финикіянъ, евреевъ, еракійцевъ и другихъ окрестныхъ народовъ и аборигеновъ страны. Продолжительность существованія греческаго язычества. Территорія, на которой жили греки. Общеарійское религиозное наслѣдство, принесенное греками изъ прародины на мѣста ихъ новыхъ поселеній. Развѣтїе этого наслѣдства. Взаимоотношеніе религіи и философіи въ Греціи.

Когда употребляютъ выраженіе „греческая религія“, никому безъ сомнѣнія не придетъ въ голову мысль, что рѣчь можетъ идти о современной Греціи и вѣрованіяхъ населяющаго ее народа. Выраженіе—греческая религія, какъ и греческая философія, неизмѣнно направляетъ мысль къ странѣ и времени Гомера и Гезіода, Эсхила и Софокла, Перикла, Платона и Аристотеля. Но если это выраженіе въ общемъ ясно указываетъ страну, періодъ времени и наконецъ ту сторону духовной жизни, о которой предполагается трактовать, то оно за всѣмъ тѣмъ далеко отъ того, чтобы точно опредѣлить народности, которыя создали то, что называется греческой религіей, территорію, на которой эта религія возникла, наконецъ границы времени ея существованія—отъ первоначальнаго зародышеваго возникновенія до окончательнаго паденія.

Наименованіе Греціи введено во всеобщее употребленіе не греками, а римлянами. Греки называли населяемую ими страну Элладой и себя эллинами (пишутъ также: Еллада и еллины). Но и эти имена далеко неизначальны. Гомеръ всѣхъ грековъ пришедшихъ подъ Трою называлъ аргивянами, ахейянами и данайцами, не потому что въ ту пору эти имена обнимали всѣхъ эллиновъ, а потому что они принадлежали

племенамъ игравшимъ первенствующую роль въ троянской войнѣ. Гомеръ знаетъ и эллиновъ и Элладу (Иліад. II, 683—684; IX, 395, 447; XVI, 595; Одис. I, 340; IV, 726; XI, 496), но его Эллада—небольшая область въ южной Фессалии, и эллины—племя, населяющее эту область. Аристотель пытался отождествить эллиновъ съ селлами (*Σέλλοι* = *Ἰέλλοι*), жрецами додонскаго Зевса, которые не моютъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной (Ил. XVI, 234—235). Это отождествленіе подсказало въ новое время гипотезу, согласно которой эллины сначала обитали въ Эпирѣ, гдѣ находилась Додона, затѣмъ были вытѣснены въ Фессалию, куда, какъ всѣ эмигранты, перенесли наименованія городовъ и областей. Но эта гипотеза мало объясняетъ и въ сущности не имѣетъ за собою основаній. Гораздо болѣе историческій успѣхъ имѣло усвоеніе Аристотелемъ эллинамъ имени грековъ (*Γραικοί* = *graei*), подъ которымъ они были извѣстны у римлянъ и съ которымъ перешли въ исторію. Усвоеніе всѣмъ греческимъ племенамъ имени эллиновъ можетъ быть произошло вслѣдствіе того, что у эллиновъ образовалась дельфійско-пилейская амфиктіонія, обыкновенно называемая просто амфиктіоніей. Эта амфиктіонія, т. е. союзъ греческихъ племенъ была самой могущественной, вліятельной и долго существовавшей. Первымъ центромъ этой амфиктіоніи былъ храмъ Деметры (амфиктіоніейской) въ Термопилахъ около Анселы. Сюда союзныя государства къ празднествамъ въ честь Деметры посылали своихъ представителей, здѣсь у храма обсуждались общія дѣла и предпріятія, рѣшались споры и недоразумѣнія союзныхъ племенъ. Постановленія амфиктіоніи были обязательными. Такъ какъ Деметра амфиктіоніейская принадлежала эллинамъ, то, можетъ быть подобно тому, какъ въ эпоху троянской войны, всѣмъ усвоилось имя данаевъ, въ эпоху расцвѣта амфиктіонійскаго союза имъ стали усвоять имя эллиновъ. Былъ даже введенъ въ употребленіе терминъ „пан-эллинскій“, но потомъ онъ исчезъ. Совокупность всѣхъ греческихъ племенъ стала называться эллинами и греками, и эти имена, равно какъ названіе Эллады и Греціи, должны быть считаемы взаимнозамѣнимыми.

Эта справка о наименованіи Греціи должна имѣть не лингвистическій только, но и историческій и историко-религіозный интересъ. Возникновеніе и смѣна наименованій, оказы-

вается, стояли въ Элладѣ въ связи съ политическими событіями и социальными явленіями, а эти событія и явленія стояли въ тѣсной связи съ храмами и богами. Но должно признать, что при настоящемъ состояніи знанія изъ греческихъ именъ, ихъ исторіи и ихъ судьбы можно извлечь только очень немногое.

Эллины или греки, это—наименованіе совокупности различныхъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совокупности самостоятельныхъ государствъ. Объ этихъ племенахъ должно прежде всего сказать, что они арійцы. Слово аріецъ по зендски значитъ благовоспитанный, благородный, достопочтенный, на языкѣ ведъ—преданный, вѣрный роднымъ постановленіямъ. Изученіе европейскихъ языковъ открыло, что и славянскіе, и германскій, и гальскій, и романскіе, и греческій языки имѣютъ общіе корни и несомнѣнно происходятъ отъ одного первоязыка. Это было неудивительно по отношенію къ языкамъ народовъ живущихъ въ сосѣдствѣ между собою. Но дальнѣйшее изученіе показало, что корни общіе съ тѣми, которые имѣютъ европейскіе языки, имѣютъ литературныя произведенія древнихъ персовъ и произведенія индусовъ. Сравнительное изученіе языковъ этихъ народовъ дало возможность опредѣлить, какой изъ таковыхъ языковъ наиболѣе близокъ къ первоязыку, изъ котораго выродились и развились всѣ остальные. Очевидно, этимъ языкомъ долженъ быть тотъ, въ которомъ оказывается наибольшее число корней общихъ прочимъ языкамъ и наименьшее число корней не оказывающихся въ прочихъ языкахъ. Такимъ языкомъ былъ признанъ тотъ, на которомъ написаны Веды (священные гимны индусовъ)—санскритъ. Люди, которые говорили на этомъ языкѣ, были названы арійцами. Былъ поставленъ новый вопросъ, гдѣ жили люди, которые говорили на этомъ первоязыкѣ, люди, потомки которыхъ населили и Индостанъ и Бактріану и Европу? Первое и самое естественное рѣшеніе вопроса, представившееся умамъ ученыхъ, было то, что эти предки жили въ центрѣ тѣхъ странъ, которыя населяютъ ихъ потомки. Этотъ центръ въ данномъ случаѣ лежалъ между Индостаномъ и Европой, въ Бактріанѣ, на Иранскомъ плоскогоріи, или гдѣ-нибудь еще въ западной Азіи. Вопросъ о прародинѣ арійцевъ и былъ рѣшенъ въ пользу этихъ странъ, и это рѣшеніе оставалось непоколебленнымъ до второй поло-

вины XIX в. Хорошо согласуясь съ данными лингвистики, это рѣшеніе гармонировало въ данномъ случаѣ и съ той теоріей, по которой родина всѣхъ человѣческихъ расъ находится въ Азіи. Но во второй половинѣ XIX столѣтія, когда тщательное изслѣдованіе показало, что данныя лингвистики въ пользу теоріи азіатскаго происхожденія арійцевъ не имѣютъ характера непоколебимой истины, многіе ученые начали отодвигать родину арійцевъ къ западу, и въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ нѣкоторые объявили несомнѣннымъ, что родина арійцевъ находится въ Скандинавіи. Въ ряду безусловныхъ сторонниковъ европейскаго происхожденія арійцевъ являются Пенка, Лохеръ, Шрадеръ (книга послѣдняго переведена на русскій языкъ), затѣмъ Сейсъ и Тейлоръ. Сторонниками азіатскаго происхожденія арійцевъ являются Мортилье, М. Мюллеръ, Делаттръ. Но намъ нѣтъ нужды обсуждать теперь споры ученыхъ о родинѣ арійцевъ. Никто изъ ученыхъ не считаетъ этою родиною Грецію, и такимъ образомъ мы уже имѣемъ одинъ выводъ, что греки не были автохтонами той страны, въ которой протекла ихъ исторія. Рѣшеніе вопроса о прародинѣ арійцевъ не можетъ даже дать ключа къ выясненію, откуда греки пришли на Балканскій полуостровъ и въ Пелопонесъ. На самомъ дѣлѣ, если родина арійцевъ была въ Азіи, греки могли придти на Балканскій полуостровъ черезъ Малую Азію и Эгейское море, точно также они могли придти черезъ Кавказъ, сѣверное побережье Чернаго моря, Фракію и Тессалію, но также съ сѣвернаго берега Чернаго моря они могли сначала направиться въ Западную Европу, а потомъ быть оттѣсненными оттуда на востокъ и могли пройти къ Пелопонесу черезъ Иллирію и Эпиръ. Въ историческую эпоху мы видимъ, что такое движеніе съ запада на востокъ совершалось неоднократно. Но если при азіатскомъ происхожденіи греки могли придти въ Пелопонесъ съ запада, какъ равно легко допустить, что и при происхожденіи изъ Скандинавіи они могли придти черезъ русскія степи съ востока, то очевидно, что само по себѣ рѣшеніе вопроса о прародинѣ арійцевъ еще не даетъ намъ новаго матеріала для выясненія, какъ и съ чѣмъ явились греки въ Грецію? Но въ нѣкоторой мѣрѣ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ уже тотъ фактъ, что греки—арійцы. Это мы прежде всего и отмѣчаемъ.

Какъ арійцы, греки должны были получить въ наслѣдство отъ своихъ праарійскихъ предковъ ихъ религіозныя вѣрованія. Но эта первоначальная стихія греческой религіи не была единственною. Дѣло въ томъ, что хотя греки—несомнѣнно арійцы, они не только арійцы и въ физическомъ и въ духовномъ смыслѣ этого слова. Старый вопросъ давно поднятый, доселѣ неразрѣшенный и можетъ быть неразрѣшимый, это вопросъ объ отношеніи эллиновъ къ пелазгамъ (*Πελαγοί*—пелазги). Эллины сплелись съ пелазгами, пелазги жили среди нихъ и съ ними, жизнь также, какъ и міеологія, слила ихъ, но были ли пелазги эллинами или даже арійцами? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Первые свѣдѣнія о пелазгахъ даетъ эпосъ Гомера. Илиада представляетъ ихъ союзниками троянцевъ (II, 840—843). Но троянцы—не эллины. Въ Троадѣ, гдѣ находилась Троя, жилъ прежде всего фриго-лико-фракійскій народъ. Въ южной части Троады жили лелеги (*Λέλεγες*), которыхъ ставятъ въ тѣсную связь съ карійцами и въ которыхъ, какъ и въ карійцахъ, усматриваютъ нѣкоторыя семитическія черты. Впослѣдствіи Троаду, Мизію и Карійскій берегъ подчинили себѣ лидійцы—народность несомнѣнно воспринявшая въ себя много хеттѣйскаго. А затѣмъ все западное побережье Малой Азіи сдѣлалось достояніемъ эллиновъ, съ которыми слились ранѣе жившіе тамъ народы. Здѣсь къ арійской крови эллины должны были прибавить кровь иныхъ народовъ, и арійскія вѣрованія смѣшались съ малоазійскими, хеттѣйскими, семитическими. Но съ пелазгами сліяніе эллиновъ—если пелазги не эллины—совершалось съ глубокой древности уже на европейской почвѣ. Эпосъ Гомера называетъ пелазговъ, жившихъ на территоріи европейской Греціи. Додонскій Зевсъ называется пелазгическимъ, Ѳессалійскій Аргосъ точно также носитъ имя пелазгическаго (Илиад. II, 681). Въ ряду различныхъ племенъ живущихъ на Критѣ Одиссей называетъ пелазговъ (Одис. XIX, 177). Гезіодъ представляетъ пелазговъ исконными обитателями Пелопонеса и ихъ родиною называетъ Аркадію. Геродотъ считаетъ пелазговъ эллинами (Исторія II, 51), но Гелланикъ и Гекатей абдерскій представляютъ ихъ варварами, предшественниками эллиновъ на греческой почвѣ. Этотъ послѣдній взглядъ получилъ широкое распространеніе и, сидя на школьной скамьѣ и изучая древнюю исторію, мы усвоили, что пе-

лазги были предшественниками грековъ, что они воздвигали варварскія, циклопическія постройки. Греки стали на мѣсто пелазговъ и создали греческую культуру. Этотъ взглядъ однако теперь далеко не единственный и не господствующій. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей (напримѣръ, Гольма) пелазги—одно изъ греческихъ племенъ—никогда не игравшіе важной роли въ греческой исторіи. Курциусъ считаетъ пелазговъ греческимъ авангардомъ на европейской почвѣ. Пелазги, по его мнѣнію, первые изъ общезллинской расы перешли изъ Малой Азіи черезъ Геллеспонтъ въ Европу. Но ставя пелазговъ хронологически первыми изъ грековъ въ Европѣ, Курциусъ видитъ въ нихъ только вѣтвь грековъ. Существуетъ еще рѣшеніе проблемы о пелазгахъ аналогичное тому, какое Галеви и Гайяръ даютъ вопросу о сумирианахъ и аккадянахъ. По мнѣнію этихъ ученыхъ сумирияне и аккадяне—не какіе-либо особые народы, жившіе въ Месопотаміи раньше вавилонянъ и ассирианъ, а именно эти самые вавилоняне и ассиріяне древнѣйшей эпохи. Точно также полагаютъ, что пелазги—не народъ, а эпоха въ жизни греческаго народа. Пелазги—это некультурные греки древнѣйшей эпохи, эллины, это—греки культурные позднѣйшей эпохи, происшедшіе отъ пелазговъ. Въ послѣднее время развито новое мнѣніе. Уже давно замѣчали двойственное родство пелазговъ: съ одной стороны съ западомъ, съ этрусками, съ другой—съ востокомъ, съ Азією. Археологія показала родство тирренской культуры съ пеласгической, съ другой стороны выяснилось родство пелазговъ съ хеттеями,—и вотъ іезуитъ А. де Кара выпустилъ обширный трудъ *Gli Hethei-Pelasgi. Ricerche di storia e di archeologia orientale, greca ed italiana*. Roma. 1899—1902. Въ этомъ трудѣ де Кара утверждаетъ, что пелазги и этруски, это въ сущности—хеттейскіе колонисты, первые—осѣвшіе въ Греціи, вторые—въ Италіи. Тезисъ де Кара оспаривается многими ¹⁾. Но одно положеніе—важное для насъ, думаемъ, у де Кара раскрыто съ несомнѣнностію, если только относительно него возможно было сомнѣніе. Пелазги—хеттеи или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ хеттейское вліяніе значительно сказалось на пелазгахъ и

¹⁾ † Модестовъ В. И.—Новый трудъ о пелазгахъ (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Октябрь 1902)

эллинахъ и его серьезно нужно учитывать при изслѣдованіи греческихъ религіозныхъ вѣрованій.

Гладстонъ высказалъ, что кетейцы Гомера (Одис. XI, 521)—*κίτται* никто иное, какъ хеттеи. Теперь это мнѣніе раздѣляется и нѣкоторыми другими изслѣдователями. Въ Малой Азіи были цѣлыя хеттейскія царства, въ европейской Греціи жило не мало хеттейскихъ колонистовъ. У хеттеевъ была богиня Деркето (близкая къ Астартѣ), греки внесли ее въ свою міеологію. Деркето у грековъ—жена лидійскаго героя Кайстера, жертва лидійца Ликса утопившаго ее въ священномъ озерѣ Аскалона. У хеттеевъ былъ богъ Касіу, отъ него произошелъ Зевсъ—Кассіосъ (Зевсъ можетъ быть почитался въ нѣкоторомъ аэролитѣ). Точно также бетили—священные камни—должно полагать перешли къ грекамъ отъ хеттеевъ. Такъ бетилей было много въ Малой Азіи, гдѣ было много и хеттеевъ. Псевдоплутархъ говоритъ объ одномъ родѣ камней, который находили въ Малой Азіи, въ рѣкѣ Сагарисѣ и которые считались священными, потому что въ нихъ былъ виденъ типъ матери боговъ. Съ введеніемъ культа матери боговъ въ Греціи, кажется, стали почитать и бетили. Такъ Пиндаръ, увидѣвъ камень падавшій съ неба въ пламени и съ шумомъ (бетиллями несомнѣнно прежде всего и больше всего становились аэролиты), посвятилъ его матери боговъ. Не трудно видѣть, что греческія *Βαίελλα*, *βαίτυλοι* произошли отъ семитическаго *beith-el*=жилище бога. Когда начало распространяться христіанство и не оставалось имени хеттеевъ, мы видимъ, въ Ефесѣ культъ хеттейской богини подъ именемъ греческой Артемиды пользовался великимъ почитаніемъ и предполагалось, что всѣ знали, что городъ Ефесъ есть служитель великой богини Артемиды и Діопета (Дѣян. XIX, 35). О Діопетѣ ничего неизвѣстно. Въ греческой міеологіи встрѣчается сомнительное имя *Διόλος*. Можетъ быть Діопетъ при Артемидѣ былъ тоже, что Аттисъ при великой матери. Можетъ Діопетъ сближался съ Актеономъ, котораго міеи ставятъ въ двухсмысленное отношеніе къ Артемидѣ. Хеттейское вліяніе въ европейской Греціи съ несомнѣвностію констатировано Шлиманомъ. Шлиманъ при своихъ раскопкахъ въ Микенахъ нашелъ два золотыя кольца, въ гнѣздахъ которыхъ помѣщены рисунки въ хеттейскомъ стилѣ, на одномъ изображены головы животныхъ, на другомъ жен-

шина подъ деревомъ, смотрящая на обращенныхъ къ ней двухъ другихъ лицъ въ развѣвающихся одеждахъ и въ башмакахъ съ загнутыми носками (характеристичная хеттейская обувь), на полѣ рисунка головы животныхъ. Шлиманъ нашелъ еще двѣ золотыя статуетки, представляющія обнаженную богиню съ руками сложенными на груди и съ голубями на головѣ и еще маленькій памятникъ въ формѣ храма, на верхушкѣ котораго помѣщены два голубя. Все это—чисто хеттейскій стиль. Въ знаменитыхъ микенскихъ львахъ хотя также видѣтъ хеттейское вліяніе. Эти результаты археологическихъ изслѣдованій хорошо согласуются съ древне греческими преданіями. По греческой легендѣ микенскіе вожди пришли изъ Лидіи и принесли съ собою въ Европу цивилизацію и сокровища Малой Азіи. Гомеръ, рассказывая о легендарной славѣ Микенъ, говоритъ о правившей ими лидійской династіи.

У хеттеевъ было много точекъ соприкосновенія съ семитами и не всегда поэтому возможно опредѣлить—отъ хеттеевъ или отъ кого-либо изъ семитовъ греки заимствовали тѣ или иныя сказанія или предметы культа. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можно рѣшать безспорнымъ образомъ. Хеттейская одежда, стиль, письмо имѣютъ характерныя особенности. Затѣмъ изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій выяснили важную роль, какую хеттеи играли въ Малой Азіи въ древности, гдѣ греки съ ними должны были вступить въ близкія отношенія. Но не одни хеттеи вліяли на грековъ. Если хеттеи несли къ грекамъ свои вѣрованія и культуру съ азіатскаго материка, то филистимляне несли свое вліяніе съ острововъ Средиземного моря. Филистимляне извѣстны намъ прежде всего изъ Библіи, какъ народъ, между которымъ и евреями постоянно велась борьба съ переменнымъ счастьемъ. Но уже Библія ясно указываетъ, что филистимляне не аборигены Палестины (Быт. X, 14; Іерем. XLII, 4; Амос. IX, 7), хотя сама Палестина получила отъ нихъ имя. Теперь вообще можно считать установленнымъ, что филистимляне пришли въ Палестину съ запада. Еще въ 1845 г. Гитцигъ (1807—1875) въ изслѣдованіи *Urgeschichte und Mythologie der Philistäer* высказалъ предположеніе, что они были пелазгическаго происхожденія. Если принять эту гипотезу и затѣмъ гипотезу де Кара, мы получимъ такое уравненіе: хеттеи=пелазги;

филистимляне=пелазги; слѣдовательно хеттеи=филистимляне. Выводъ этотъ совершенно несомнѣстимъ съ данными Библии. Но совсѣмъ другое дѣло, если вмѣсто равенства предположить родство, связи, даже смѣшеніе уже сравнительно въ позднюю эпоху. Повидимому гипотеза Гитцига стоитъ въ несогласіи съ прямымъ указаніемъ родословной таблицы народовъ говорящей, что филистимляне вышли изъ каслухевъ (Быт. X, 14), значить изъ Египта, но „вышли“ не значить „произошли“; и всѣ дальнѣйшія указанія священнаго текста сближаютъ и отождествляютъ филистимлянъ съ критянами, а Критъ въ глубокой древности былъ населенъ народомъ греко-пелазгическаго происхожденія (названіе филистимлянъ критянами мы находимъ у Сафон. II, 5, поставленіе ихъ рядомъ съ критянами у Іезек. XXV, 16). Гитцигъ указываетъ, что въ характерѣ филистимлянъ открываются особенности арійской расы: они любятъ войну, мореплаваніе и торговлю, они предприимчивы, культура стоитъ у нихъ высоко. Къ своимъ этнографическимъ доказательствамъ Гитцигъ присоединяетъ еще лингвистическія (онъ производитъ филистимскія слова — названія лицъ, городовъ — съ греческаго и санскритскаго; Голіафъ—египетская форма окончанія). Конечно, нельзя за всѣми этими соображеніями признать рѣшающаго значенія. Филологическія соображенія Гитцига очень рискованны (они, вѣдь, таковы, что на основаніи ихъ и Авраамъ съ Саррою выводятся изъ Индіи), особенности характера—тоже шаткое основаніе, и вавилоняне были народомъ культурнымъ и ихъ уподобляли грекамъ и даже французамъ. Но во всякомъ случаѣ гипотеза пелазгическаго происхожденія филистимлянъ (самое имя *Felistin* отъ эіопскаго *falasch*—странствовать) хорошо согласуется и съ прямыми указаніями Библии (изъ всѣхъ народовъ Палестины—страны получившей свое имя отъ филистимлянъ—филистимляне наиболѣе противопоставляются евреямъ, какъ иноплеменники и необрѣзанные, сближаются съ критянами и называются критянами) и съ послѣдовательностію библейскаго повѣствованія. Руководясь библейскимъ текстомъ, можно допустить, что было двѣ иммиграціи филистимлянъ въ Палестину. Одна, можетъ быть, незадолго до Авраама была совершена не непосредственно изъ Крита, а изъ Египта, отсюда и указанія десятой главы кн. Бытія и имя филистим-

лянъ. Вторая иммиграція была совершена непосредственно изъ Крита, отсюда и наименованіе филистимлянъ критянами. Отмѣчаютъ то обстоятельство, что евреи и филистимляне понимаютъ другъ друга безъ переводчиковъ, изъ чего дѣлаютъ заключеніе, что у нихъ въ сущности общій языкъ, и что тѣ и другіе—семиты. Такое заключеніе, какъ и большинство филологическихъ выводовъ, очень шатко. Языкъ можно мѣнять и претензіи филологовъ создавать генеалогіи народовъ на основаніи языковъ часто приводили къ совершенно несостоятельнымъ построеніямъ. Въ новой странѣ, куда прибыли иммигранты, они могли увидѣть себя принужденными пользоваться новымъ языкомъ. За всѣмъ тѣмъ признаютъ вообще несомнѣннымъ, что филистимляне не были аборигенами страны, которой дали свое имя. Они явились въ ней съ запада и съ далекаго запада. Проф. Тураевъ признаетъ теорію Гитцига для настоящаго времени совсѣмъ негодящейся ¹⁾. Это справедливо по отношенію къ фантастическимъ предположеніямъ и сближеніямъ Гитцига, но его предположенія о западномъ происхожденіи и связяхъ филистимлянъ съ греками должны быть приняты. Не такъ давно Р. Дюссо развилъ тотъ взглядъ, что каслухимъ и кафтаримъ 14 ст. X гл. кн. Бытія должны быть различаемы, но и самъ онъ это различіе не ведетъ далеко. Кафтаримъ=критяне, по Дюссо, обитатели южной части филистимской области—окрестностей Газы, каковая область и въ Библии извѣстна подъ именемъ негебъ-ха-Крети (I Цар. XXX, 14). Позднѣе въ Газѣ существовалъ культъ Зевса критогенскаго. Но эта теорія Дюссо легко можетъ быть согласена съ предположеніемъ о двухъ иммиграціяхъ филистимлянъ (изъ Египта и изъ Крита), причемъ различіе наименованія будетъ указывать только на различіе странъ, изъ которыхъ вышли въ разное время эмигранты одного и того же племени. Но если даже и отвергнуть полное тождество филистимлянъ и критянъ, то и тогда ихъ совмѣстная жизнь, то обстоятельство, что Библия иногда называетъ филистимлянъ критянами, заставляетъ съ несомнѣнностію утверждать ихъ близкое родство. Несомнѣнно, что филистимляне или очень близкіе къ

¹⁾ Тураевъ—Филистимляне (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона 70-ый полутомъ).

филистимлянамъ люди жили въ глубокой древности на Критѣ. Но Критъ, какъ мы увидимъ далѣе, можно называть почти колыбелью греческихъ вѣрованій. Несомнѣнно, что греки вліяли на кафторейцевъ, но несомнѣнно, что и кафторейцы вліяли на грековъ. Въ греческихъ сказаніяхъ и культѣ есть элементы, которые удобно объясняются филистимскимъ вліаніемъ. Принимая во вниманіе, что въ глубокой древности они жили вмѣстѣ, эти объясненія должны быть признаны весьма правдоподобными.

Вліаніе хеттеевъ и филистимлянъ на эллиновъ постепенно выясняется только въ послѣднее время. Но издавна признавалось могучее вліаніе на Грецію Финикіи. Греческій алфавитъ выводили изъ финикійскаго, технику мореплаванія, введеніе маяковъ, установленіе мѣръ и вѣсовъ приписывали финикіянамъ. Съ ихъ именемъ связывалось изобрѣтеніе стекла и открытіе пурпура. Полярную звѣзду греки звали финикійской звѣздой—*φοινίκη*. Финикіяне—эти купцы древняго міра—развозили восточную культуру по берегамъ Средиземнаго моря. Они обмѣнивали оружіе (*λόγχη*—копье отъ финикійскаго *romach, romeh*), вводили свои игры (*κότταβος*—отъ *kutab*—ось, на которой балансировали чашу съ виномъ), развивали страсть къ золоту (*χρυσός*—отъ финикійско-еврейскаго *charrus*) ¹⁾. Не отрицая сильнаго вліанія финикіянъ на европейскую культуру, это вліаніе однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ теперь начинаютъ ограничивать. Во 1) на финикійскихъ корабляхъ плавали не одни финикіяне, а финикійскимъ кормчимъ и морякамъ поручали свои корабли и иные народы (3 Цар. IX, 26—28). Но въ прежнихъ представленіяхъ купцы, пріѣзжавшіе на финикійскихъ корабляхъ, или можетъ быть даже на корабляхъ только управляемыхъ финикійцами, всѣ шли за финикійцевъ. Теперь оказывается, что сюда нужно внести нѣкоторую дифференціацію. И другіе народы вмѣстѣ съ финикіянами привозили въ Европу плоды своей культуры, да и финикіяне привозили не только свое, но являлись и комиссіонерами между Европой, Азіей и Африкой. Во 2) постепенно выясняется, что не все то, что выводили отъ финикіянъ или съ востока, имѣетъ на самомъ дѣлѣ таковое происхожденіе. Теперь вопросъ о происхожде-

1) Hommel—Geschichte des alten Morgenlandes. Stuttgart. 1895. S. 73.

ніи греческаго алфавита не признается рѣшеннымъ безусловно въ пользу Финикіи, а считается открытымъ. За всѣмъ тѣмъ вліяніе Финикіи на Элладу въ различныхъ отношеніяхъ и въ частности въ религіозномъ безспорно.

Курціусъ такъ говоритъ о религіозномъ вліяніи финикіянъ на эллиновъ. „Филистимляне пользовались богослуженіемъ для того, чтобы завязать мирныя сношенія съ пелазгическими приморскими племенами. Они усвоивали себѣ ихъ религіозныя воззрѣнія и сравнивали въ особенности пелазгическаго Зевса съ своимъ Вааломъ. Подъ его покровительствомъ открывали они рынки; поэтому-то онъ и назывался Зевсомъ-Эпикенеемъ, т. е. совмѣстно боготворимымъ и соотвѣтствовалъ Ваалу-Саламу, богу мира, которому были посвящены пріобрѣтенныя на основаніи мирныхъ договоровъ мѣстности, носящія имя Саламы или Саламина. Они ввели поклоненіе планетамъ, развившееся на семитическомъ востокѣ, и научили пелазгическія племена видѣть въ звѣздахъ божества, управляющія міромъ, распредѣлять свои занятія и управлять своими общественными дѣлами, соображаясь съ ними. Они, наконецъ, занесли съ востока поклоненіе идоламъ, противъ увлекательныхъ чаръ которыхъ пелазгическіе туземцы не могли устоять. Имъ не доставало силы сопротивленія. Они поклонялись божествамъ иноземцевъ, превосходившихъ ихъ во всемъ; они приписывали ихъ блестящіе успѣхи идоламъ, сопровождавшимъ ихъ на сушѣ и на морѣ. Идолы (хаана) занесены были въ страну съ чужбины, въ особенности маленькіе идолы вышиною съ футъ, которымъ издавна поклонялись въ приморскихъ мѣстностяхъ, должны считаться идолами финикійскихъ моряковъ. Первый идолъ, который увидѣли пелазги, былъ идолъ Астарты, служеніе которой было такъ усвоено ханаанскими купцами, что они никогда не пускались въ море, не имѣя при себѣ ея изображенія; гдѣ бы они не основывали факторіи, они всюду воздвигали этотъ идолъ, какъ священный центръ ея. Такъ Геродотъ видѣлъ въ Мемфисѣ тирскій кварталъ, отдѣленный отъ остальнаго города и построенный вокругъ рощи и часовни „чужеземной“ Афродиты. Таковы же были финикійскія колоніи на Кипрѣ, Кіеерѣ и Кранахъ, съ тою только разницею, что то, что въ Египтѣ оставалось неизмѣннымъ, было вовлечено греками въ кругъ ихъ собственной жизни

и эллинизировано. Астарта продолжала быть богиней творческой силы, проникающей всю природу, но такъ какъ она первоначально сдѣлалась извѣстною, какъ богиня мореплавания, то она въ то же время была для грековъ и богиней мореходства и гаваней, которой поклонялись сперва только въ пристаняхъ, но потомъ вводили поклоненіе все болѣе и болѣе и внутри страны. Главнымъ пунктомъ для мореплавателей въ греческихъ водахъ долженъ былъ сдѣлаться съ раннихъ временъ Коринескій перешеекъ, такъ какъ, если въ настоящее время мореплаватели стремятся въ открытое море, то въ старину корабли двигались вдоль самыхъ береговъ, въ глубинѣ бухтъ и узкихъ проливахъ Архипелага. Поэтому уже финикіяне, какъ мы видимъ изъ ясныхъ указаній, вели сношенія со всею Греціею, изъ залива въ заливъ. Коринѣъ былъ древнѣйшимъ мѣстомъ поклоненія Афродитѣ, и на коринескомъ же перешейкѣ мѣстнымъ божествомъ считался Меликертъ, который, не смотря на свое униженіе до роли посейдонова демона, всетаки оставался центромъ религіознаго служенія; Меликертъ же ничто иное, какъ имя Милькарта приспособленное эллинами къ ихъ языку. Гдѣ бы ни селились выходцы изъ Тира, они воздвигали богу своего города, Мелькарту, святилище. Поклоненіе ему введено было ими на берегахъ Эллады, гдѣ подъ различными схожими по языку именами (напр. Макарь, Макарей) онъ былъ занесенъ въ циклъ мѣстныхъ міеовъ на Критѣ, Родосѣ, Лесбосѣ, Евбеѣ. Отъ него произошли даже совершенно эллинскія названія мѣстностей, какъ напр. Макарія въ Мессеніи и Атикѣ. Главнѣйшія черты героя города Тира отпечатлѣлись наконецъ въ лицѣ Геракла, которому поклонялись подъ именемъ Макара на островѣ Эазосѣ, главномъ центрѣ финикійскаго горнозаводства, и который сдѣлался во многихъ мѣстахъ несомнѣннымъ символомъ иноземной колонизаторской дѣятельности, пролагающей новые пути; безостановочно странствующій, онъ является олицетвореніемъ неутомимаго торговаго народа. Сопровождаемый своей собакой, онъ находитъ на берегу моря пурпуровыя раковины; кубокъ, въ которомъ онъ отплываетъ къ Эрикею, есть символъ финикійскаго торговаго корабля, чей киль онъ начинаетъ оковывать мѣдью. Финикіяне подъ его покровительствомъ остановили разрушительную силу горныхъ

потоковъ, выстроили плотины и проложили первыя дороги. Но понимали они своего Геракла двоякимъ способомъ. Либо они присоединялись къ тирскому культу и считали Геракла, равно какъ и Астарту, за божество, либо они почитали его, какъ благодѣтеля страны и основателя культуры, и дѣлали изъ него героя, имя котораго и слава подвиговъ простиралась отъ одного конца Средиземнаго моря до другаго. Въ Сикіонѣ встрѣчаются оба вида служенія Гераклу: чествованіе его, какъ героя, и древнѣйшее поклоненіе ему, какъ Божеству. Есть основательная причина предполагать, что оба вида служенія Гераклу, поклоненіе Молоху, слѣды котораго встрѣчаются на Критѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, и служеніе кабирамъ (въ Самоѳракіи), которые, какъ и Меликерть, превратились изъ семитическихъ боговъ въ эллинскихъ демоновъ—были введены финикіянами въ европейской Греціи; вмѣстѣ съ ними занесены были и многія отрасли художественнаго производства, какъ напримѣръ, выдѣлываніе пестрыхъ тканей, которымъ занимались служительницы храмовъ Афродита въ Косѣ, Керѣ, Аморгѣ, горное производство, обдѣлка руды и др. Афродита и Гераклъ обозначаютъ также и главныя эпохи финикійскаго вліянія, которыя опредѣлялись преобладаніемъ какого-либо изъ городовъ. Пока колоніи основывались Сидономъ, распространялось и поклоненіе асколонской богини Афродиты Ураніи; вмѣстѣ съ тѣмъ акклиматизировался въ Греціи священный бѣлый храмовой голубь, а съ нимъ и миртъ постоянный спутникъ сидонской богини. Когда миновало, около 1100 года, цвѣтущее время Сидона, началась колонизація, исходящая отъ Тира, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространилось поклоненіе Гераклу—Мелькарту. Но въ то время, когда возникало могущество Тира, іоническіе греки имѣли уже собственный флотъ, и поэтому то въ ихъ преданіяхъ, сбереженныхъ Гомеромъ, одинъ только Сидонъ считается средоточіемъ финикійскаго морскаго владычества“¹⁾).

Курціусъ идетъ далѣе и развиваетъ теорію, что и въ малой Азіи дѣйствовало финикійское вліяніе и чрезъ іонійскихъ грековъ въ грецизированномъ видѣ переходило въ

¹⁾ Эрен. Курціусъ—Исторія Греціи. Т 1-ый. Перев А. Веселовскаго (съ четвертаго изданія). 1876 г. стр. 39—41

Европу. Но мы уже установили, что въ малой Азіи дѣйствовало хеттейское вліяніе, которое ранѣе принимали за финикійское. И не только относительно Азіи, но и относительно Европы нельзя всецѣло принять того, что утверждаетъ Курціусъ. Мы увидимъ далѣе, что азіатское происхожденіе Афродиты, семитическое происхожденіе названія самоеракійскихъ кабировъ и тѣмъ болѣе семитическая основа ихъ культа не признаются въ настоящее время безспорными. Но въ значительной части своихъ утвержденій Курціусъ безспорно правъ. И греческая міеологія, видно, эллинизировала финикійскихъ эмигрантовъ. Такъ герой троянской войны (по послѣгомеровскимъ сказаніямъ) Паламедъ (*Παλαμήδης*), которому устраивались святилища и статуи, въ литературныхъ преданіяхъ представляется съ чертами финикійскаго культу ртрегера. Правда, онъ представляется эллиномъ. Его родина по однимъ (Григор. Богос. Твор. 3-е изд. 1 ч. стр. 131),—Эвбея, по другимъ (Гадит. Аннал. 11, 14)—Навплия въ пелопонесскомъ Аргосѣ, но о немъ говорится, что онъ изобрѣлъ письмо, маяки, мѣры, вѣсы, измѣреніе времени, опредѣлилъ восходъ и заходъ небесныхъ свѣтилъ, изобрѣлъ дискъ, игру въ шашки и кости ¹⁾. Эти изобрѣтенія обычно связываютъ съ Финикіей и несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ принесены въ Европу финикіянами Клермонъ-Ганно (Clermont-Ganneau) въ своемъ изслѣдованіи *L'imagerie phénicienne et la mythologie iconologique chez les Grecs 1-re Partie. La coupe phénicienne de Palestrina. 1880.* обратилъ вниманіе на нѣкоторый особенный видъ финикійскаго религіознаго вліянія на грековъ. Чтобы понять возможность предположеній Ганно, нужно установить прежде уже давно извѣстный въ наукѣ о религіи фактъ, состоящій въ слѣдующемъ. Культовые обряды и обычаи, возникающіе по какимъ-либо частнымъ поводамъ или вызванные какими-либо событіями, сохраняются, когда память о вызвавшихъ ихъ причинахъ уже исчезла. Но разумъ и воображеніе человѣка не охотно мирятся съ непониманіемъ того, что дѣлаетъ человѣкъ. Мысль и воображеніе тогда влагаютъ въ обрядъ совершенно новый смыслъ, и такимъ пу-

¹⁾ Perrot et Chipiez—L' Histoire de l' art dans l' antiquité T. 6. p. 72—73
Roshier—Ausführliches Lexikon d. griechischen und römischen Mythologie, T. 3, Erste Abteilung Palamedes. S. 1264—1273

темъ возникало немало мифовъ и священныхъ сказаній. Частнымъ видомъ такого явленія будетъ истолкованіе рисунковъ, на которыхъ, положимъ, изображаются битвы, подвиги героевъ. Ганно и утверждаетъ, что финикійскіе рисунки на вазахъ послужили грекамъ матеріаломъ для созданія или развитія нѣкоторыхъ ихъ мифовъ.

Какъ всегда признавалось финикійское вліяніе на Грецію, такъ точно всегда признавалось вліяніе египетское. И въ новое время Египетъ называли страню чудесъ и загадокъ, говорили о необыкновенной египетской мудрости и теперь еще естественно говорить объ изумительномъ благочестіи египтянъ и ихъ священномъ почтеніи къ смерти. Въ Греціи существовало подобное же почтеніе по отношенію къ Египту и оно повидимому доходило порою до египтоманіи. Многократные примѣры ея даетъ Геродотъ въ своей исторіи. Египтоманія явно открывается въ той эволюціи, которую пережилъ мифъ о Кекропсѣ (*Κέκροψ*). Сначала Кекропсъ—аеинскій автохтонъ, рожденный изъ земли, съ двумя змѣиными туловищами вмѣсто ногъ. Онъ основатель и культуртрегеръ аеинскаго государства. Такое значеніе сохранилось за нимъ навсегда, но позднѣйшая мифологія уже не представляетъ его автохтономъ, а выходцемъ изъ египетскаго Саиса, принесшимъ, слѣдовательно, въ Аеины египетскую культуру. Мифы объ Іо, Данаѣ и данаидахъ также связываютъ Элладу съ Египтомъ, причемъ мифъ о Данаѣ представляетъ, что египтяне совершали морскіе походы. Древность не имѣетъ свидѣтельствъ которыя подтверждали бы это. Есть только одинъ текстъ, изъ котораго какъ будто вытекаетъ, что до саисской эпохи египтяне вступали въ прямые сношенія съ южною Европой. Но Перро и Шипье ¹⁾ полагаютъ, что здѣсь недоразумѣніе. Они полагаютъ, что въ Египтѣ была иноземная армія, образованная выходцами изъ малой Азіи, Сиріи, Кипра и Крита. Эти люди усвоили обычай, образъ жизни, одежду и языкъ египтянъ. Они усвоили кое-что изъ египетской культуры и техники. Они были изгнаны изъ Египта и понятно, что легко въ мѣстахъ новыхъ поселеній ихъ принимали за египтянъ. О египтянахъ вообще полагаютъ, что они несовершали морскихъ путешествій, но къ нимъ многіе прибывали по морю.

¹⁾ Perrot et Chipiez—op. cit T. 6 p 77 78

Флиндерсъ Петри ¹⁾ нашелъ произведенія эгейскаго (т. е. греческаго) горшечничества въ некрополяхъ XVIII и XIX. династии, т. е. значить въ эпоху отстоящую болѣе, чѣмъ на 1000 лѣтъ отъ Р. Х. Съ другой стороны и въ Греціи находятся произведенія египетскаго искусства ²⁾. Съ VII вѣка вмѣстѣ съ карійцами и лидійцами эллины являются въ наёмныхъ войскахъ фараона. Въ VII вѣкѣ возникаетъ и Киренаика—эллинская колонія рядомъ съ Египтомъ. У Павзанія, этого наблюдательнѣйшаго путешественника и благочестивѣйшаго паломника по языческой Греціи въ третьей четверти II вѣка по Р. Х. сообщается, что уже Лизандръ (за 4 вѣка до Р. Х.) имѣлъ откровенія отъ Аммона. При Александрѣ Македонскомъ уже были храмы Изиды въ Греціи. Самое имя Изиды натурализировалось (Изидоръ или Исидоръ). Позднѣе въ Греціи было много храмовъ Сераписа ³⁾. Но это уже явленія позднѣйшей синкретической эпохи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ религіознымъ вліяніемъ, а прямо съ религіозными заимствованіями. Но непрямо эти заимствованія могли совершаться съ глубокой древности.

Еще вліяніе одного историческаго народа Азіи на грековъ предполагаемъ мы. Народъ этотъ—евреи. Это предположеніе можетъ показаться страннымъ. Гдѣ и какіе слѣды еврейскаго вліянія на Элладу? Что общаго между одинокимъ Іеговою и густонаселеннымъ и свѣтлымъ олимпійскимъ міромъ боговъ? Слѣды, скажемъ мы, есть и нѣкоторые изслѣдователи уже замѣтили ихъ. Въ III, 6 ст. книги пр. Іоили говорится о филистимлянахъ, что они „сыновъ Іуды и сыновъ іерусалима продавали сынамъ Еллиновъ, чтобъ удалить ихъ отъ предѣловъ ихъ“. Если мы отрѣшимся отъ раціоналистической хронологіи (наиболѣе обоснованной у Меркса—*Die Prophetie d. Joel*. 1879), относящей книгу Іоили къ послѣдпльнму періоду и примемъ хронологію традиціонную, которую нельзя считать научно опровергнутой и по которой книга Іоили явилась около половины IX вѣка, мы получимъ, что евреи были въ Элладѣ уже въ IX в. а можетъ быть и въ раннѣйшее

¹⁾ Perrot et Chipiez—op cit. T. 6. p. 1003

²⁾ Perrot et Chipiez—op cit. T. 7. p. 145.

³⁾ Павсанія—Описаніе Еллады или путешествіе по Греціи во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. Переводъ Г. Янчевецкаго. Петербургъ. 1887—1889. Стр. 354, 306, 433

время до Р. Х. И рационалистическая хронологія не измѣнить дѣла. Несомнѣнно филистимляне и особенно южная область филистимлянъ были въ сношеніяхъ съ греками всегда, войны филистимлянъ съ евреями были ожесточеннѣе за 1000 и болѣе лѣтъ до Р. Х., чѣмъ въ послѣдующее время. Эти войны неизбѣжно сопровождались обращеніемъ въ рабство плѣнныхъ, отсюда естественно и торговля рабами такого происхожденія. Пр. Юиль указываетъ то, что само собою можно предполагать по отношенію къ евреямъ и филистимлянамъ древняго времени. Это—свидѣтельство Библии, но въ греческихъ сказаніяхъ мы находимъ нѣчто, что очень удобно можно объяснить еврейскимъ вліяніемъ. Укажемъ пока для примѣра на одинъ эпизодъ изъ мессинскихъ войнъ. Дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ царь Евфай. По опредѣленію дельфійскаго оракула онъ долженъ принести за побѣду въ жертву дѣву. Конецъ всей этой исторіи какой-то темный ¹⁾. Все это слишкомъ напоминаетъ исторію Іефеая (Суд. XI—XII, 1—7). Такихъ исторій у грековъ найдется не мало. Они завершаются сообщеніемъ первой маккавейской книги, что „найденъ въ писаніи о спартанцахъ и іудеяхъ, что они братья и отъ рода Авраамова“ (XII, 21). Мы сказали, что уже нашлись изслѣдователи, которые замѣтили слѣды еврейскаго вліянія на грековъ. Такимъ долженъ быть названъ Гладстонъ, поставившій этотъ вопросъ на апологетическую почву. Онъ выступилъ въ *Nineteenth Century* (ноябрь, 1885) съ статьею *Dawn of creation and of Worship* полемистомъ противъ рационалистическихъ воззрѣній Альберта Ревиля († 1906). На защиту Ревиля выступилъ Гексли (Huxley), потомъ поднялся и самъ Ревиль. Послѣднее слово осталось за Ревилемъ (N. С. январь 1886), но Гладстонъ не счелъ себя побѣжденнымъ и уже годы спустя онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что ему нельзя умереть раньше, чѣмъ онъ не покажетъ связи гомеровской теологіи съ еврейской. Клермонъ-Ганно въ небольшой монографіи „*Le Dieu Satrape et les phéniciens dans le Péloponèse*“ указалъ рядъ любопытныхъ сближеній между іудейскими обычаями и обычаями жителей Элиды въ Пелопонесѣ. Аббатъ Фурьеръ на конгрессѣ по исторіи религій въ Парижѣ (1900) изъ представленныхъ имъ докладовъ два посвятилъ разсмо-

¹⁾ Павсаниа—*op. cit.* стр. 390—391.

трѣню сходства между греческими сказаніями и Библию. Одинъ рефератъ трактовалъ о сходствѣ греческой легенды объ Асклепій съ исторією пророка Іліи (Асклепій, сынъ Аполлона, богъ врачества, въ жизни его фигурируетъ воронъ, горы, умерщвленія, исцѣленія и воскрешенія, громъ и молнія). Въ другомъ докладѣ Фурьеръ обратилъ вниманіе на значеніе числа 50 въ греческой міеологіи и дѣлалъ сближеніе съ этимъ исторіи пророка Іліи и колѣна Данова (въ актахъ конгресса рефераты Фурьера ненапечатаны). Такимъ образомъ проблема еврейскаго вліянія на грековъ далеко еще не можетъ быть рѣшена въ отрицательномъ смыслѣ.

Мы говорили доселѣ о вліяніи на эллиновъ тѣхъ народовъ, которые раньше ихъ выступили на арену исторіи и которые въ отдѣленнѣйшую эпоху поднимались надъ эллинами въ культурномъ отношеніи. Но въ сферѣ религіи вліянія идутъ не только съ духовнаго верха, но и отъ равныхъ и даже съ культурнаго низа. Суевѣрія и вѣрованія некультурныхъ массъ всегда въ нѣкоторой мѣрѣ воспринимаются поднимающимися надъ ними общественными слоями. И на эллинскую религію предполагается вліяніе племенъ, не входящимъ въ составъ историческихъ народовъ древняго востока. Указываютъ, что греческіе міеы и сказанія сильно подчеркиваютъ еракійское вліяніе на эллиновъ. Еракійцы, эти сосѣди эллиновъ съ сѣверо-востока вслѣдствіе обилія у нихъ виноградниковъ развили въ себѣ наклонность къ пирамъ и пьянству, а вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ развились и необходимыя принадлежности пира пѣсни и пляска. И полагаютъ, что Діонисъ (*Διώνυσος*, *Διόνυσος*, *Βάκχος*), богъ винограда и винодѣлія, даромъ вина радующій сердце людей и разгоняющій печаль и заботы, имѣетъ еракійское происхожденіе. Точно также объ Орфеѣ, этомъ міеическомъ пѣвцѣ и міеическомъ основателѣ теологической школы, эллинское преданіе говоритъ, что онъ былъ родомъ изъ Еракіи. Еракія вообще считалась у эллиновъ родиною пѣвцовъ (оттуда выводятъ *Θамирида*, *Эвмолпа*).

Должно предполагать что и на самой почвѣ Эллады, когда эллинскія племена вступили туда, они должны были завязать физическія и духовныя связи съ иными народностями, поселившимися тамъ раньше. Несомнѣнно, что арійцы не были первыми поселенцами Европы. Пытаются представить

дѣло такимъ образомъ, что сначала въ Европѣ жили туранскіе народы, затѣмъ явились арійскіе, которые частію уничтожили свсихъ предшественниковъ, частію поглотили ихъ въ себѣ, принявъ и отъ нихъ не мало въ своемъ этнографическомъ типѣ, языкахъ и культурѣ. Такъ русскіе славяне поглотили въ себѣ финновъ, но слѣды этого поглощенія остались и въ формѣ великорусскихъ носовъ и въ названіяхъ мѣстностей и рѣкъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь, говорятъ, типъ первичныхъ обитателей Европы сохранился—на сѣверѣ финны, въ Испаніи—баски. Эта схема слишкомъ проста для того, чтобы отвѣчать дѣйствительности. Но основной фактъ, что арійцы встрѣтили въ Европѣ людей, а не пустыни, несомнѣненъ. И нужно полагать, что въ доисторическое время европейскія поселенія занимали среднюю и главнымъ образомъ южную Европу, такъ какъ тогда климатъ былъ гораздо суровѣе и на сѣверѣ жизнь была невозможна, такъ какъ повидимому тогда еще не закончилась ледниковая эпоха.

Такимъ образомъ хотя греки и арійцы по происхожденію, но они ни въ физическомъ, ни въ духовномъ смыслѣ не остались и не могли остаться чистыми арійцами. Они образовали собою новую расу—продуктъ разнообразныхъ скрещиваній и многихъ культурныхъ и некультурныхъ вліяній. Эта раса въ исторіи человѣчества завоевала себѣ безусловное право на безсмертіе и на глубоко благоговѣйное отношеніе къ ея памяти (не забудемъ, что и Новый Завѣтъ написанъ на греческомъ языкѣ). Мы будемъ заниматься изученіемъ одного духовнаго созданія этой расы—ея религіи.

Исторія не знаетъ народовъ, которые не имѣли бы религіи, но исторія учитъ, что народы могутъ мѣнять религію, и греки кончили тѣмъ, что отказались отъ своей самосозданной религіи и приняли христіанство. Сколько времени жили они своею религіею, сколько вѣковъ протекло отъ ея возникновенія, развитія и до ея окончательнаго паденія? Ея зарожденіе, какъ греческой, а не какъ общеарійской религіи, нужно относить къ тому времени, когда греки впервые появились на островахъ Эгейскаго, Миртειαскаго и Критскаго морей, на европейскомъ материкѣ и на западномъ побережьи малой Азіи. Концомъ существованія этой религіи должно признать моментъ, когда греческое правительство окон-

чательно отвергло ее и устранило возможность ея официальнаго существованія, представляя неофициальнымъ языческимъ общинамъ вымирать естественною и неизбежною смертію.

Сами греки совершенно не помнятъ о томъ, когда они появились въ Европѣ и у другихъ древнихъ народовъ нѣтъ никакихъ указаній и сообщеній объ этомъ—во всякомъ случаѣ крупномъ арійскомъ движеніи. Въ Библии первое упоминаніе объ эллинахъ обычно видятъ въ X главѣ кн. Бытія. Глава признается очень древнею. Ленорманъ склоняется къ мнѣнію, что она древнѣе Моисея. Ленорманъ полагаетъ, что порядокъ перечисленія народовъ въ X главѣ географическій, перечисляются народы по направленію съ запада къ востоку, причемъ разселеніе народовъ представлено въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до Моисея и ко времени Моисея уже измѣнилось. Эллиновъ, полагаютъ, должно разумѣть подѣ сыновьями Іавана, о которомъ говорится: „сыны Іавана: Елиса, Фарсисъ, Киттимъ и Деданимъ“ (Быт. X, 4). *Іаванъ* есть имя грековъ (собственно Іонянъ) извѣстныхъ подѣ этимъ именемъ на всемъ востокѣ до Индіи (ассирійское Iavanu, древнеперсидское Iauuā. Въ ветхомъ завѣтѣ: Іоиль 9, 4, 6; Зах. 9, 13. Іезек. 27, 13; Исаія 66, 19, Дан. 8, 21). *Елиса*. Въ таргумѣ на Іезекиіля и въ глоссѣ у Синкелла подѣ Елиса разумѣются жители Сициліи и южной Італіи. Ленорманъ отождествляетъ *Елиса* съ ахейцами. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что здѣсь разумѣются европейскіе греки. *Тарсисъ*, поставляемый между племенами европейскихъ грековъ и обитателями Кипра, едва ли можетъ быть испанскимъ. Ленорманъ отождествляетъ Тарсисъ съ Tuirscha іероглифическихъ надписей и съ tursanes'ами или тирренскими пеласгами. Онъ полагаетъ, что это племя жило по западному берегу малой Азіи и на нѣкоторыхъ островахъ Эгейскаго моря. *Киттимъ*—племя, жившее на *Кипрѣ*, главный городъ котораго назывался Китъ или Китіонъ. Древнѣйшее населеніе этого острова (до-финикійскаго) было пеласго-греческимъ. Іезек. 27, 15. *Доданимъ*.—Нѣкоторые понимаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ обитателяхъ гор. Додоны въ Эпирѣ или о дарданахъ Трои, но вообще склоняются къ мнѣнію, что здѣсь первое *д* поставлено вмѣсто *p*, и что здѣсь дѣло идетъ о родосцахъ. Такъ и стоитъ въ текстѣ ЕХХ. Это послѣднее

мнѣніе представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Оно имѣетъ за собою наибольшее число текстовъ и имѣетъ основанія въ контекстѣ. Помѣщеніе Родоса рядомъ съ Кипромъ весьма естественно, разумѣть Додону эпирскую здѣсь невозможно; если бы нужно было разумѣть Дарданянъ, тогда было бы Dardanim, порча текста была бы весьма большою, Rodanim же представляетъ порчу въ одной буквѣ, да и то въ немногихъ текстахъ ¹⁾. По отношенію къ изложенному толкованію возможно такое сомнѣніе, что въ Библии терминъ „Іаванимъ“ обозначаетъ не народъ, а страну, что въ древнѣйшее время поэтому подъ „іаванимъ“ могла разумѣться неизвѣстная намъ народность, а въ позднѣйшее, когда острова Эгейскаго моря, заселились греками, это слово стало обозначать грековъ. Но нигдѣ нѣтъ указаній, чтобы на островахъ Эгейскаго моря происходила смѣна народностей и нигдѣ не видно, чтобы „іаванимъ“ обозначало страну, а не народности. Оказывается, что даже теперь на канцелярскомъ турецкомъ языкѣ аѳинское правительство называется „іуананъ дев-лети“—іонійское правительство ²⁾.

Предполагаютъ, что пелазговъ нужно разумѣть подъ турша (пелазги обычно сближаются съ тиренцами—*Τυρρηνοί* или *Τυρσηνοί*), о которыхъ говорятъ египетскіе памятники, что при Рамзесѣ II они высадились на берегу Африки и вмѣстѣ съ ливійцами напали на Египетъ. Нападеніе было отражено и при преемникахъ Рамзеса турша платили дань Египту. При XIX и XX династіяхъ въ египетскихъ памятникахъ среди народовъ моря или странъ моря упоминаются ахайуша, подъ которыми разумѣютъ ахеянъ. Въ списокѣ союзниковъ хеттискаго царя Хеты, боровшагося съ Рамзесомъ II, упоминаются дардана, илиуна, маса и педаза, народности фигурирующія вмѣстѣ съ лека (ликійцами). Эти наименованія направляютъ насъ къ западному берегу малой Азіи,—территории, гдѣ расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ греческая поэзія и философія. Раскопки, производившіяся въ европейской Греціи, на островахъ и въ малой Азіи, показываютъ, что жизнь здѣсь существовала издавна, что населеніе было довольно плотно и что повидимому здѣсь не происходило этнографи-

¹⁾ Lenormant, L' Histoire ancienne de l' orient T. I. 1881

²⁾ Perrot et Chipiez—op. cit T. 6. p. 56

ческих катастрофъ. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ почти съ несомнѣнною слѣдуетъ выводъ, что уже за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. греки жили тамъ, гдѣ ихъ нашла исторія. Можетъ быть они явились не сразу, можетъ быть племена подходили одни за другими. Воспоминанія о переселеніяхъ въ самой Греціи имѣются въ греческихъ преданіяхъ. Но основное зерно греческой расы, должно полагать, уже заняло Пелопонесъ, Эгейское море и можетъ быть западный берегъ малой Азіи къ тому времени, когда еврейскій народъ направлялся изъ Египта въ землю обѣтованную. Если тогда существовала Греція, то несомнѣнно тогда существовала и греческая религія. Отодвигая время ея возникновенія за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х., мы должны поставить другой вопросъ, когда эта религія перестала существовать? На этотъ вопросъ отвѣтить легче, потому что гибель греческихъ боговъ имѣла мѣсто во время историческое. Язычество было побѣждено христіанствомъ, но оно было побѣждено не сразу. Даже когда произошло соединеніе христіанской церкви съ государствомъ, язычество имѣло еще многихъ послѣдователей и видныхъ представителей. И два вѣка спустя послѣ св. Константина въ Аѳинахъ еще существовала языческая академія, гдѣ греческая религія въ неоплатоническихъ комментаріяхъ преподавалась какъ высшая истина. Эдиктомъ 529 г. Юстиніанъ закрылъ аѳинскую высшую школу. Послѣдніе учителя этой школы (Симплицій) отправились въ Персію къ Хозрою-Нушервану, но если они тамъ чему и способствовали, то можетъ быть развитію послѣдующей арабской философіи. Античнаго язычества они не привили къ персидской почвѣ. Греческая религія, очевидно, тогда была мертва сама по себѣ. Вѣдь, оказавшаяся совершенно невоспріимчивою къ ней въ VI столѣтіи, Персія въ VII, т. е. слѣдующемъ очень легко и быстро приняла исламъ. Въ 528 или можетъ быть даже въ томъ же 529 г., въ которомъ вышелъ и эдиктъ Юстиніана, Бенедиктъ нурсійскій, основоположникъ уставнаго монашества на западѣ, положилъ конецъ существованію послѣдняго языческаго культа въ западной имперіи, превративъ въ Монте-Кассино старый храмъ Аполлона съ прилегавшею къ нему рощей въ христіанскую церковь окруженную рядомъ киновій. Поэтому 529 годъ должно считать послѣднимъ въ исторіи греческой религіи, дальше этого

года ея исторію вести уже нельзя, ея вліяніе могло еще жить, могло усиливаться даже черезъ столѣтія, но прямыхъ послѣдователей она уже не имѣла. Двигаясь отъ этого хронологическаго пункта назадъ въ глубь прошедшаго, мы получаемъ, что исторія греческой религіи обнимаетъ періодъ времени не менѣе двухъ тысячелѣтій.

Главныя проявленія жизни культурной вообще и религіозной въ частности за весь этотъ долгій періодъ приурочены къ немногимъ пунктамъ побережья Эгейскаго моря, но территория, на которой расселились греки и размѣстились ихъ факторіи и колоніи, распространяется гораздо дальше этихъ побережій. Бераръ (V. Berard) въ изслѣдованіи „*Les phéniciens et l'Odyssée* (2 vol. 1902—1903) развилъ положеніе, что странствованія Одиссея простирались до Гибралтара, что въ поэмѣ описывающей приключенія хитроумнаго грека обнаруживается превосходное знакомство съ географіей *всего* Средиземнаго моря. Нужно только перемѣнить имена и изъ за гротовъ Калипсо, острововъ Кирки поднимутся острова—Сицилія, Мальта и др. Въ Иліадѣ уже находятъ указанія на Испанію. Именно—въ стихахъ

Рать Гализоновъ Годій и Эпистрофъ вели изъ Алибы,

Странъ отдаленныхъ, откуда исходъ серебра неоскудный
(Ил. 11, 856—857).

Гализоны=опоясанные моремъ. Страною опоясанною моремъ и съ богатыми серебряными рудниками является Испанія. Далѣе, въ Массалии (Массилии, нынѣшнемъ Марсели) греки тоже рано основали колоніи. Въ Италіи греческія колоніи носили имя великой Греціи. Обращаясь отъ запада къ востоку, мы находимъ греческія колоніи въ Тавридѣ, т. е. нынѣшнемъ Крыму, у устьевъ Дона и даже на Кавказѣ. На югѣ греки селились въ нильской дельтѣ и основали цѣлую киренскую колонію на западъ отъ Египта. Съ востока на западъ греки расселились на протяженіи въ пять разъ болѣе, чѣмъ то протяженіе, на которомъ ихъ можно было встрѣчать, двигаясь съ сѣвера на югъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ длину приблизительно около пяти тысячъ верстъ, во второмъ—приблизительно около тысячи. Но такъ какъ климатъ зависитъ отъ широты, а не отъ долготы, то значить, греки имѣли дѣло сравнительно съ незначительными варіаціями климата. Это нужно имѣть въ виду при

изслѣдованіи религіозныхъ сказаній, такъ какъ этнографія, орографія, фауна и флора въ этихъ сказаніяхъ представляются народами согласно окружающей ихъ обстановкѣ.

Греки принадлежали къ арійцамъ. Какъ трудно теперь рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ жили первоарійцы, каковы они были, до какой степени культуры они поднялись, такъ трудно рѣшить вопросъ и о томъ, какова была первоарійская религія. Но нѣкоторые существенные элементы первоарійской религіи, кажется, опредѣлить можно. Эта религія была натурализмомъ. Подъ натурализмомъ обыкновенно понимаютъ обожествленіе силъ и явленій природы. Въ такомъ смыслѣ слова натурализма въ сущности не существуетъ. Въ религіяхъ, которыя называются натуралистическими, если на самомъ дѣлѣ вникнуть въ ихъ смыслъ, можно увидѣть, что силы и явленія природы вовсе не обожествляются, но что они считаются высшими проявленіями божественнаго и за ними предполагаются специфическія божественныя силы. Непосредственное названіе вѣтра, моря или дерева богами, это только поэтическая метафора. Не въ персонификаціи явленій природы состоитъ натурализмъ, а въ почитаніи специальныхъ персонъ, управляющихъ этими явленіями Первоарійцы наивысшее откровеніе божественнаго увидѣли прежде всего въ явленіяхъ чисто атмосфернаго характера, отъ которыхъ зависитъ плодородіе почвы, прямое дѣйствіе солнца на жизнь растительную, вѣтры, испаренія, облака, молнія, дождь. Ихъ и указываютъ намъ веды между божественными лицами, которыя почитаетъ культъ. Ушасъ=Ἑὼς грековъ, остара германцевъ=заря. Асвины (олицетвореніе утреннихъ и вечернихъ сумерекъ) даютъ рожденіе греческимъ Діоскурамъ. Маруты—вѣтры, культъ которыхъ почитался еще въ первыя времена Греціи, особенно въ аѳинскихъ Тритопаторахъ, имя которыхъ очень близко приближается къ ведійскому Тристу. Гандгарвасъ—небесныя лошади, олицетворяющія солнечные лучи, отсюда греческіе центавры. Среди явленій природы арійцы особенно поражались тѣмъ (какъ это открываютъ ведійскіе гимны), въ которыхъ открывалась борьба въ природѣ, антогонизмъ двухъ началъ или 2-хъ противоположныхъ принциповъ, борьба дня и ночи, солнечныхъ лучей и облаковъ и тумановъ, молніей поражающей облака и заставляющей низвергаться потоки плодо-

творнаго дождя, которые какъ будто ранѣе были заключены въ облакахъ. Изъ наблюденія этихъ явленій борьбы и антогонизма, вышло основное зерно дуалистическаго ученія, особенно развитое у арійцевъ и которое позднѣе стало существеннымъ основаніемъ религіи иранцевъ. Они допустили существованіе 2-хъ вѣчныхъ принциповъ, вѣчно борющихся въ мірѣ, хотя и исходящихъ обоихъ изъ одной и той же первоначальной субстанціи. Антогонизмъ этихъ принциповъ обуславливаетъ жизнь и существованіе вселенной. Въ ведахъ и вообще въ Индіи это была борьба блестящаго Индры съ мрачнымъ Вритрою, у иранцевъ борьба Агура-мазды съ Ангра-маніу, каковой борьбѣ реформа Заратуштры сообщила существенную важность. У грековъ это была борьба Апполона съ Пиеономъ, Зевса съ титанами, въ древнихъ италійскихъ сказаніяхъ борьба Геркулеса съ Какусомъ и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ съ точки зрѣнія арійской религіозной мысли не нужно видѣть олицетворенія естественныхъ явленій, наоборотъ, въ этихъ явленіяхъ нужно видѣть только символы божественныхъ свойствъ и того, что происходитъ у боговъ. Борьба противоборствующихъ началъ въ природѣ—дающаго жизнь и убивающаго у арійцевъ истолковывается, какъ символъ міровой борьбы между добромъ и зломъ. Арійская раса обладаетъ богатымъ поэтическимъ воображеніемъ, отсюда у нея ярко обнаруживается то, что называется тенденціей къ персонификаціи. За каждымъ явленіемъ или стихіею природы арійцы помѣщаютъ не одного бога или духа, а цѣлое множество духовъ и порою боговъ, сообразно съ тѣмъ, что явленія одного и того же характера и одна и та же стихія обнаруживаются различно. Точно также богатое воображеніе арійца, создавъ образъ какого-либо божества, затѣмъ изъ cadaго атрибута этого божества творило новаго бога. Каждое проявленіе жизни, каждое соціальное явленіе, каждая духовная стихія, даже такая, какъ дурь или глупость (*ἄτη*—дурь, помраченіе ума обуяла Зевса передъ рожденіемъ Геракла и онъ былъ обманутъ хитростью Геры, за это Зевсъ навсегда столкнулъ *ἄτη* съ Олимпа) имѣютъ за собою демона или бога. Отсюда широкій политеизмъ и полидемонизмъ.

Но въ тоже время мысль арійца, рано почувствовавшаго единство мірового цѣлаго и уловившаго единообразіе въ

пестротѣ явленій, съ древнѣйшихъ временъ направлялась къ обобщеніямъ и единству. Повидимому ранѣе разселенія изъ прародины они уже создали нѣкоторые основные элементы того, что развилось потомъ въ пышныя теогоніи и космогоніи. Мысль требуетъ единства существующаго. Чувство требуетъ, чтобы божество не было ничѣмъ ограничено, чтобы его благія свойства были безмѣрны и безконечны. Но это требованіе исключаетъ возможность множественности боговъ. Отсюда такой рядъ выраженій, гимновъ и дѣйствій культа, отъ которыхъ какъ бы вѣетъ монотеизмомъ. Въ 121 гимнѣ Ригъ-веды, въ содержаніи и смыслѣ котораго хотятъ видѣть выраженіе первоарійскихъ вѣрованій, говорится слѣдующее:

Кто даетъ намъ жизнь? кто даетъ намъ силу?

Чьего велѣнія слушаются всѣ боги?

Чья тѣнь есть безсмертіе и смерть?

Кто есть богъ, котораго мы чтимъ жертвами?

Тотъ, чье величіе эти снѣжныя горы,

Соединяющій море съ далекими потоками,

Чьи руки суть страны свѣта?

Кто есть богъ, котораго мы чтимъ жертвами?

Онъ, создавшій небо яснымъ, землю твердой,

Онъ, измѣрившій свѣтъ и высшее небо,

Онъ, бросающій свѣтъ въ эфирное пространство.

Кто есть богъ, котораго мы чтимъ жертвами?

Онъ пребывающій выше облаковъ,

Онъ дающій силу и производящій огонь,

Онъ единый богъ надъ всѣми богами.

Кто есть богъ, котораго мы чтимъ жертвами?

М. Мюллеръ изобрѣлъ особый терминъ каенотеизъ или генотеизмъ, которымъ онъ обозначилъ такое состояніе религіознаго сознанія, когда индивидуальныя божества еще не имѣютъ строго опредѣленныхъ и устойчивыхъ чертъ. Богъ, къ которому обращается поклонникъ, въ представленіи послѣдняго легко усваиваетъ атрибуты всѣхъ боговъ и является какъ бы единымъ. Въ эпоху генотеизма по мысли М. Мюллера человѣкъ теоретически признаетъ многихъ боговъ, но практически, когда начинаетъ поклоняться какому-либо изъ нихъ, забываетъ о всѣхъ прочихъ и почитаетъ одного, какъ будто бы онъ былъ единственнымъ. Эта теорія генотеизма не встрѣтила собѣ большаго сочувствія среди ученыхъ.

Оставляя ее въ сторонѣ, отмѣтимъ, какъ несомнѣнный фактъ, что въ религіозныхъ представленіяхъ народа обыкновенно заключается немало противорѣчивыхъ элементовъ и что въ политеистическихъ религіяхъ на ряду съ ясно выраженнымъ признаніемъ бытія многихъ боговъ всегда можно встрѣтить монотеистическія и пантеистическія тенденціи. Но у аріицевъ кромѣ того, что въ древнѣйшихъ гимнахъ можно находить монотеистическія и пантеистическія черты въ этихъ гимнахъ можно находить еще и скептическіе элементы. Таковъ 129 гимнъ Ригъ-веды:

Тогда не существовало ни бытія, ни небытія

Не было ни земли, ни неба надъ ней.

Двигалось ли что? гдѣ? и по чьему велѣнію?

Существовала ли вода и была ли глубокая бездна?

Тогда не было ни смерти, ни безсмертія.

День не отдѣленъ былъ отъ ночи

Только Одно жило само по себѣ;

Выше его не существовало ничего,

И вотъ, въ немъ въ первый разъ возбудилось стремленіе.

Это было первое сѣмя духа!

Связь бытія открыли въ небытіи

Мудрецы, заглянувъ въ свое сердце.

Кто знаетъ? кто можетъ сказать намъ,

Откуда началось, откуда появилось созданье?

И были ли созданы послѣ него боги?

Кто знаетъ, откуда они появились?

Откуда пришло такое созданье?

Создано оно или не создано?

Это знаетъ только тотъ, глазъ котораго смотритъ на него

Съ высоты неба,—или и Онъ этого не знаетъ?

„Или и Онъ этого не знаетъ“. Это могъ говорить предокъ атеиста Діогара или скептика Пиррона.

Общеарійскія вѣрованія и сомнѣнія греки перенесли съ собою на европейскую и малоазійскую почву. Прочно устроившись на новыхъ мѣстахъ населенія, они должны были разрабатывать и развивать принесенное ими духовное наслѣдіе. Вліяніе различныхъ народовъ о которыхъ мы говорили, отозвалось на этой обработкѣ. Греки не мало взяли у нихъ. Но о грекахъ болѣе, чѣмъ о комъ-либо, можно сказать то, что Гете сказалъ о геніи: геній не крадетъ, а беретъ. Греки

не мало взяли у тѣхъ народовъ, съ которыми соприкасались, но этому взятому они сообщили новую форму и вдохнули въ него новый духъ. Если Афродита дѣйствительно возникла изъ Астарты, то статуи Афродиты эпохи Перикла относятся къ идоламъ Астарты также, какъ драмы Шекспира къ хроникамъ Голлинштеда. Пожалуй даже различіе значительно больше.

Изъ арійскихъ народовъ у двухъ особенно сильно проявилась сила творческаго воображенія, это — у эллиновъ и у индусовъ. Въ созданіи греческихъ вѣрованій и индійскихъ религій фантазія сыграла великую роль. Въ новое время у философовъ занимавшихся религіозными проблемами фантазія нерѣдко представлялась, какъ могущественный религіозный факторъ. Это мы видимъ у Гоббеса (1588—1679), развившаго положеніе Лукреція, что *timor primos fecit deos*. Это мы видимъ у Юма (1711—1766). Если Гоббесъ пытался объяснить возникновеніе при помощи дѣятельности фантазіи вѣрованій вообще въ невидимыя благожелательныя или вредящія силы, то Юмъ пошелъ дальше и изъ дѣятельности фантазіи готовъ истолковывать весь прогрессъ развитія изъ анимизма политеизма, изъ политеизма монотеизма и возврата отъ монотеизма къ политеизму. Фейербахъ (1804 — 1872) попытался представить религію, какъ результатъ взаимодействія двухъ факторовъ — фантазіи и эгоизма. Наконецъ Фрошаммеръ (1821—1893) выдвинулъ фантазію, какъ міровую или даже какъ божественную творческую силу. Въ разсужденіяхъ этихъ мыслителей о фантазіи, какъ религіозномъ факторѣ—а фантазія, скажемъ, представляетъ собою и научный факторъ—есть не мало отдѣльныхъ вѣрныхъ соображеній которыя могли бы быть иллюстрированы и обоснованы фактами изъ религіозной сферы Индіи и Греціи. Но здѣсь же изъ изученія религіозныхъ созданій Индостана и Пелопонеса эти мыслители должны бы были вывести, что ихъ соображенія справедливыя по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ не могутъ имѣть широко обобщающаго характера и не подходятъ къ существу дѣла. Фантазія, какъ научный и религіозный факторъ, есть антиципація дѣйствительности, предположеніе о томъ, что существуетъ въ дѣйствительности, предположеніе провѣряемое потомъ наблюденіемъ и опытомъ. Основанія для построеній фантазіи разнообразны и наши эгоистическія

желанія въ ряду ихъ играютъ незначительную роль. Это можно хорошо видѣть на оцѣнкѣ земной жизни и на представленіяхъ о жизни будущей у индусовъ и грековъ. Индусамъ часто приходилось страдать и бояться и они стали представлять весь міръ, какъ міръ мученій и зла. Но если этотъ міръ есть зло и страданіе, то очевидно тѣ силы, которыя произвели этотъ міръ, должны быть еще болѣе ужасны и злы, чѣмъ дѣйствительность, и вотъ фантазія едва ли при участіи эгоизма создала образы страшныхъ чудовищныхъ божествъ и нарисовала мрачные міры ада. Греки, наоборотъ, любили жизнь, любили этотъ міръ, его красоту и его блага. Смерть для ихъ наблюденія являлась лишеніемъ этихъ благъ, и поэтому ихъ воображеніе нарисовало царство тѣней, какъ что-то крайне безцвѣтное и жалкое. Фантазія творитъ религіозные образы, но эти образы являются на самомъ дѣлѣ не продуктомъ ничѣмъ нерегулируемаго эгоистическаго произвола, но результатомъ наблюденій и опыта—конечно всегда ограниченныхъ, но могущихъ расширяться и увеличиваться и давать все болѣе и болѣе цѣнный матеріалъ.

Сила воображенія народа зависитъ отъ того, что его окружаетъ. Индусы имѣли дѣло съ гиммалайскими горами—высочайшими горами въ свѣтѣ съ величественнѣйшимъ Гауризанкаротъ, ихъ страну опоясывалъ Индійскій океанъ, они знали силу муссоновъ и урагановъ, тропическій климатъ Индіи производилъ могучую растительность и страшную фауну. Здѣсь быстро и неудержимо развивалась роскошная жизнь и здѣсь всюду подстерегала смерть. Гавіалы—въ рѣкахъ, тигры—въ джунгляхъ, кобры—въ травѣ, ядовитыя испаренія болотистыхъ мѣстностей, голодъ вслѣдствіе засухи, вотъ—разнообразныя причины—и далеко еще не всѣ—гибели для индуса. И рядомъ съ этимъ ликованіе жизни. Во всемъ этомъ не было мѣры и удержу, отсюда—фантазія индуса безмѣрна и неудержима, Она не хочетъ знать никакихъ рамокъ и ограниченій, она увлекается прежде всего чувствомъ и уже потомъ прислушивается къ голосу разума. Грекъ—иное дѣло, онъ—поселенецъ сравнительно умѣреннаго климата. У него есть и горы и море и плодородныя пастбища и прекрасные лѣса, но все это не подавляетъ, а возвышаетъ, поднимаетъ человѣка. Все это не безмѣрно какъ въ Индіи, а можетъ быть измѣрено и опредѣлено. Величе-

ственное здѣсь не ужасно и красота не подавляется здѣсь чрезмѣрною роскошью произведеній природы. Отсюда у грека—чувство мѣры. Фантазія и вдохновеніе регулировались у него разумомъ и методомъ. Безмѣрная фантазія создаетъ часто неопредѣленные, неустойчивые образы. Грекъ ищетъ опредѣленности, онъ создаетъ строгіе и неподвижные контуры, онъ ищетъ ясности и гармоніи. Онъ строго слѣдитъ за мѣрой, онъ все ограничиваетъ. Въ ряду изреченій приписываемыхъ семи мудрецамъ Греціи мы находимъ такіа: „ничего лишняго“, „наблюдай во всемъ мѣру“. И, какъ выраженіе греческаго *savoir vivre*, мы знаемъ оду:

Что же сухо въ чашѣ дно?
 Наливай мнѣ мальчикъ рѣзвый;
 Только пьяное вино
 Раствори водою трезвой.
 Мы не скиѣы, не люблю,
 Други, пьянствовать безчинно,—
 Нѣтъ! за чашей я пою,
 Иль бесѣдую невинно.

Древніе признавали три вида богословія: поэтическое, физическое (оно же и философское) и политическое (семейное социальное, государственное). Такъ дѣлилъ богословіе Варронъ по свидѣтельству блаженнаго Августина (*De civitate Dei. Lib. VI cap. 1*). Политическое богословіе, это—религія традиціи, освящающая основы и устои жизни, утверждающая культъ предковъ и связывающая живущія поколѣнія съ умершими и дѣйствительность съ исторіей. Поэтическое богословіе и комментируетъ и пересоздаетъ и развиваетъ богословіе государственное. Если гдѣ фантазія преимущественно является религіознымъ факторомъ, то понятно въ богословіи поэтическомъ. Такъ какъ греки, какъ мы сказали, среди арійскихъ народовъ выдѣляются силою воображенія, то естественно слѣдуетъ, что богословіе поэтовъ должно было оказывать сильное вліяніе на развитіе греческихъ религіозныхъ представленій. А то, что воображеніе здѣсь регулировалось мѣрою и гармоніей, должно было отразиться на характерѣ этихъ представленій. Богословіе физическое или философское должно было осмыслить все то, что было дано традиціей и поэзіей.

Поэзія естественно тяготеетъ къ натуралистическому міровоззрѣнію. Она нуждается въ конкретныхъ, чувственныхъ,

ясныхъ образахъ. То, что неограниченно и безмѣрно, поэзія, какъ живопись и скульптура, заключаетъ въ границы и рамки. Но ограничивать не рѣдко значитъ на мѣсто единства ставить множественность, вмѣсто однообразія вводить многообразіе и вмѣсто абсолютнаго свѣта или абсолютной тьмы давать ихъ комбинаціи. Такъ ограничивая божество, создаютъ многихъ боговъ. Ограничивая въ Богѣ положительныя свойства—мудрость и благодѣтельность—приписываютъ ему отрицательныя—способность ошибаться и дѣйствовать во имя недобрыхъ побужденій. Философія, наоборотъ, стремится снимать съ вещей ихъ чувственный покровъ и открывать ихъ дѣйствительную сущность. Поэзія вращается въ сферѣ метафоръ, символовъ, персонификацій, философія отвергаетъ ихъ. Но отвергать ихъ она можетъ двояко. Или философія отрицаетъ содержаніе, выраженное языкомъ поэтическимъ или истолковываетъ и одухотворяетъ его. Въ исторіи взаимоотношенія религіозныхъ представленій и философіи мы встрѣчаемъ въ Греціи оба эти направленія. Произведенія греческой философіи обнимаютъ собою періодъ времени приблизительно въ тысячу лѣтъ. Древнѣйшіе сохранившіеся до насъ отрывки восходятъ къ 500 году до Р. Х., позднѣйшіе къ 500 г. послѣ Р. Х. И тамъ и здѣсь философскія произведенія переходятъ даже эти хронологическія границы, но наиболѣе выдающіеся мыслители, философски обсуждавшіе религію, писали въ предѣлахъ этихъ границъ. Первымъ изъ нихъ мы назовемъ представителя элейской школы Ксенофана, дѣятельность котораго падаетъ на начало V в. до Р. Х., послѣднимъ—неоплатоника Прокла Діадоха, умершаго въ 485 г. по Р. Х. Оказывается, греческая философія начала съ отрицанія народныхъ религіозныхъ представленій и кончила тѣмъ, что превратилась въ апологетику этихъ представленій. Въ сохранившихся отрывкахъ отъ Ксенофана мы читаемъ. „1. Единъ богъ, величайшій среди боговъ и людей, не похожій на смертныхъ ни тѣломъ, ни разумомъ. 2. Весь онъ видитъ, весь мыслить, весь слышитъ. 3. Но безъ труда силой разума всѣмъ (божество) править въ мірѣ. 4. Всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ пребываетъ неподвижно (божество) и не подобаетъ ему переходить съ одного мѣста на другое. 5. Смертные полагаютъ, что боги (не только) рождаются (подобно смертнымъ), но (даже) имѣютъ туже одежду, тотъ же голосъ, ту же тѣлесную оболочку. 6. Еслибы

волы или львы, обладая руками, могли подобно людям изображать своих боговъ и создавать произведенія искусства, они изображали бы ихъ по своему образу и подобию: лошади—по образу лошадей, волы — по образу воловъ. 7. Гомеръ и Гесіодъ приписали богамъ все то, что среди людей считается порокомъ и возбуждаетъ порицаніе; они же рассказали (намъ) о незаконныхъ поступкахъ боговъ: воровствѣ, прелюбодѣянніи и взаимномъ обманѣ. 14... Не было и не будетъ человѣка, который зналъ бы боговъ и (вообще) что я говорю обо всемъ; вѣдь даже если бы удалось ему сказать истину, все-таки онъ самъ не зналъ бы этого: во всемъ существуетъ (лишь) мнѣніе. ¹⁾ Въ этихъ рѣчахъ Ксенофана слышится не только отрицательное отношеніе къ народнымъ религіознымъ представленіямъ, но и скептическое отношеніе къ возможности религіознаго познанія вообще. Правда, въ другихъ отрывкахъ сохранившихся отъ него (всѣхъ ихъ сохранилось 31) видна какъ будто бы вѣра не только въ Бога, но и въ боговъ, но эти отрывки плохо вяжутся со всѣмъ тѣмъ, что сохранилось до насъ отъ элейской школы и затѣмъ эти отрывки вполне согласимы и совмѣстимы съ отрицаніемъ общегреческихъ вѣрованій. Въ первый періодъ греческой философіи не одни элеаты, но и философы другихъ направленій относились свободно и нерѣдко отрицательно къ религіи своего народа. Но замѣчательно, что такое отношеніе къ греческой религіи существовало въ философіи главнымъ образомъ тогда, когда за него можно было дорого поплатиться, когда отрицаніе государственныхъ боговъ и введеніе новыхъ божествъ каралось цикутой. Позднѣе, когда греческая религія стала терять подъ собою государственную и общественную опору, философія постепенно стала брать ее подъ свою защиту. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна та философія, которой и завершилась исторія греческой философіи, это—философія неоплатоническая. Эта философія какъ будто хочетъ подняться до религіи. О томъ, надъ чѣмъ Ксенофанъ смѣялся, эта философія говоритъ, что она еще не можетъ вполне это понять. Такъ неоплатонизмъ относился къ міеамъ. Міеы, по неоплатонику Саллюстію—современнику и другу императора Юліана.

¹⁾ Таннери—Первые шаги древне-греческой науки Перев. съ предисл. проф. Введенскаго 1902. Приложение Стр. 55, 56

это какъ бы божественные оракулы, они вмѣстѣ и прикрываютъ и возвѣщаютъ истину, говоря о ней въ прикровенной аллегорической формѣ Саллюстій называетъ миѳы подобными богамъ, языкомъ достойнымъ боговъ, онъ признаетъ пять видовъ миѳовъ: богословскіе, физическіе, психическіе, чисто матеріальные и смѣшанные. Какъ образецъ его толкованій можно привести его объясненіе миѳа о Сатурнѣ (Кроносѣ), пожирающемъ дѣтей. Если разсматривать этотъ миѳъ какъ богословскій, Сатурнъ, по Саллюстію, представляетъ мышленіе, сущность котораго заключается въ постоянномъ возвращеніи самаго въ себя; если толковать физически, Сатурнъ (Кроносъ—*Χρόνος*) будетъ вѣчностью, дѣти его моментами времени, которое возвращается въ вѣчность. Послѣ теоріи миѳовъ Саллюстій даетъ теорію боговъ. Признавъ сообразно принципамъ александрійской философіи началомъ перваго Бога (благо), онъ ставитъ за нимъ три чина боговъ премірныхъ (принципы бытія, мысли и жизни), затѣмъ, четыре чина боговъ космическихъ (творящіе, одушевляющіе, организующіе и сохраняющіе), послѣднимъ Саллюстій даетъ имена изъ миѳологии Юпитера, Нептуна, Юноны... Аполлона. Инсигнии и атрибуты каждаго бога служатъ символомъ его дѣятельности: лира Аполлона обозначаетъ его дѣятельность организатора. Потомъ, Саллюстій говоритъ о демонахъ и ихъ служеніи (заключающемся въ томъ, чтобы мучить души по волѣ боговъ и очищать ихъ отъ злыхъ страстей). Греческая философія начала рационализмомъ и кончила мистицизмомъ. Неоплатоники не только признавали Единое и многихъ боговъ, но и составляли руководственные правила, какъ постигнуть Единое и соединиться съ нимъ. Философія стала практическимъ руководствомъ религіознаго усовершенія. Глава неоплатонической школы Плотинъ болѣе, чѣмъ за столѣтіе до Саллюстія, такъ разсуждалъ о томъ, какъ человѣкъ долженъ приближаться къ Единому. Человѣкъ обладаетъ нѣкоторою степенью свободы—способностью свободнаго внутренняго самоопредѣленія и можетъ усовершеншаться въ добрѣ путемъ постепеннаго упражненія въ дѣлахъ добра. Первая ступень добродѣтели, на которую становится чрезъ это человѣкъ, обусловливается приобрѣтеніемъ имъ добродѣтелей общественныхъ (*πολιτικαὶ ἀρεταί*), каковыя суть: благоразуміе, мужество, здравомысленность и справедливость. Эти добро-

дѣтели упорядочиваютъ наши чувства, желанія, удаляютъ отъ ложныхъ мнѣній. Онѣ обусловливаютъ собою поднятіе человѣка на вторую ступень нравственнаго преуспѣянія, которая есть очищеніе (*katharsis*). Очищать самого себя значитъ сосредоточиваться въ себѣ, дѣлать душу свою чистою отъ вліяній тѣла, ограничиваясь только удовлетвореніемъ самыхъ необходимыхъ потребностей. Для цѣлей очищенія должно по возможности устранять всякое безпокойство, должно совершенно устранять страхъ, вслѣдствіе этого тѣло станетъ менѣ доступно внѣшнимъ возбужденіямъ, а пріобрѣтенныя душою добродѣтели станутъ возвышеннѣе. Третья ступень нравственнаго усовершенія состоитъ въ томъ, что человѣкъ стремится уподобиться Богу. Это уподобленіе не должно быть только внѣшнимъ, не должно ограничиваться однимъ вѣдѣшнимъ обращеніемъ къ Богу, нѣтъ, для этой цѣли должно жить жизнью боговъ. Божество сказывается въ насъ добродѣтелью достигнуею совершенства, безъ истинной добродѣтели Богъ на устахъ только имя; поэтому подражаніе Богу должно заключаться въ усовершеніи въ добродѣтели. Однако чрезъ это подражаніе человѣкъ не достигнетъ еще послѣдней степени приближенія къ Богу, послѣдней онъ долженъ достигнуть особымъ необыкновеннымъ путемъ чрезъ экстазъ. Въ экстазѣ человѣкъ необыкновеннымъ образомъ приближается къ Божеству и созерцаетъ Его, въ Немъ онъ весь превращается въ созерцаніе. Это состояніе не есть ни мышленіе ни зрѣніе, созерцающій не отличаетъ здѣсь себя отъ того, что созерцаетъ и отрѣшается отъ своей личности. Это состояніе есть состояніе изступленія, уединенія, отреченія, отъ самого себя, его можно назвать неизреченнымъ видѣніемъ (*δύσφραστον τὸ θεῖον*). Неоплатоники, слѣдовавшіе за Плотинимъ, дали подробныя руководства о почитаніи боговъ, о жертвахъ, о теургіи, магіи, прорицаніяхъ и заклинаніяхъ. Такъ греческія философія и религія, вначалѣ своего существованія нерѣдко враждебно сталкивавшіяся между собою, кончили тѣмъ, что вступили въ тѣснѣйшій союзъ, и когда сближеніе ихъ простерлось до того, что уже нельзя было разобрать, гдѣ кончается религія и начинается философія, тогда окончилось существованіе и греческой религіи и греческой философіи.

С. Глаголеви.